

■ ■ ■ Музейный дискурс в условиях информационного противостояния: к постановке проблемы

Гавра Д.П.¹, Арканникова М.С.²

1. Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация.

2. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению позиции музейного дискурса в коммуникативной системе современной России и, в частности, в системе национальной безопасности. В условиях геополитических вызов и развития политического дискурса в семантике всепроникающей культуры отмены, реализуемой в формате механизма применения новой этики как символического акта забвения, национальный музейный дискурс приобретает особую значимость. «Войны памяти», цель которых делигитимация прежнего дискурса с использованием техник переписывания, игнорирования, нейтрализации, отрицания, актуализируют сегодня изучение музейного дискурса в контексте стратегии национальной безопасности. Рассматривая музейный дискурс как императив укрепления национальной безопасности, авторы выделяют отдельное исследовательское направление социогуманитарных наук – «исследования памяти» (memory studies), и вводят в научный категориальный аппарат достаточно взаимосвязанные концепты политического дискурса: «политика идентичности», «политика памяти» и «мемориальная политика». Реализуя стратегию анализа коммуникативных эффектов обеспечения культурного суверенитета и преодоления культуры отмены, авторы заключают, что музейный дискурс и дискурс политики памяти в логике когнитивного и структурного аспектов представляют собой ментальные конструкции, обладающие потенциалом диалогизма и конвертации (в том числе как конвертации культурного капитала в политический) и обуславливают многоуровневую комбинаторику различных коммуникативных эффектов в развитии политики государственной идентичности. Авторам представляется перспективным изучение взаимовлияния трех дискурсивных конструктов: музейный дискурс – дискурс государственной политики памяти – дискурс национальной идентичности, рассматриваемых применительно к современным политическим реалиям России в контексте реализации стратегии национальной безопасности.

Ключевые слова: музейный дискурс, политический дискурс, национальный дискурс, национальная безопасность, культура отмены, культурный суверенитет, коммуникативные эффекты, политика памяти, политика идентичности

Для цитирования: Гавра Д.П., Арканникова М.С. Музейный дискурс в условиях информационного противостояния: к постановке проблемы // Коммуникология. 2024. Том 12. № 1. С. 144-155. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-1-144-155.

Сведения об авторах: Дмитрий Петрович Гавра – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой Связей с общественностью в бизнесе института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ. Адрес: 199004, Россия,

г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9. E-mail: d.gavra@spbu.ru. ORCID: 000-0002-6536-9277. Марина Сергеевна Арканникова – кандидат политических наук, доцент, директор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, докторант института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ. Адрес: 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29. E-mail: arkann_ms@spbstu.ru. ORCID: 0000-0002-2490-8406.

Статья поступила в редакцию: 26.02.2024. Принята к печати: 14.03.2024.

Введение. Современный политический мир переживает период турбулентности, нарастающую всепроникающую политизацию и усиление информационных войн, возрастание амбиций главных центров силы мировой политики и принудительные ограничения суверенитета в мировом сообществе. Третье десятилетие XXI века знаменует собой новый этап общественно-политического развития, в котором одним из ведущих игроков глобальных процессов стали акторы коммуникационного пространства [Арканникова 2021: 4-5]. Агрессивная и конвергентная борьба уже давно вышла за пределы «территориальной» геополитики и представляет собой ментальные войны, направленные на уничтожение или целенаправленную деформацию национальной идентичности и исторической памяти.

Анализируя радикальные изменения в структуре современного миропорядка и динамику ключевых характеристик государств [Чугров; Торкунов; Мельвиль и др.], научное сообщество солидарно с тем, что «глобальная турбулентность – не фигура речи и не потенциальная возможность, а реальность сегодняшнего дня. Ранее многие политологи полагали, что глобальные катаклизмы – достояние истории, а задача современных ученых состоит в их осмыслении. Однако на судьбу нынешнего поколения выпали эпохальные исторические вызовы, для достойного ответа на которые требуются гражданское мужество и высокий профессионализм. Сегодня чрезвычайно актуально звучат известные строки Анны Ахматовой: «Мы знаем, что ныне лежит на весах // И что совершается ныне...». И поэтому так злободневна известная максима: «Не спрашивая, что может сделать для тебя твоя страна, – спроси себя, что ты можешь сделать для страны...» [Гаман-Голутвина, Сморгун: 8].

Авторы подчеркивают значимость осмысления данных геополитических вызовов как основных угроз национальной безопасности на фоне политического дискурса в семантике всепроникающей «культуры отмены» (cancel culture), которая распространяется сегодня на Западе со скоростью эпидемии и которая стала своеобразным механизмом применения «новой этики» (new ethics) в мировой политике [Чугров: 88]. Эффект культуры отмены, основанный на механизме действия «спирали молчания» (Э. Нозль-Нойман) [Рустамова: 43], по существу, стал инструментом политики памяти как символический акт забвения – «забвения как оружия» (А. Ассман), «забвения как репрессивного уничтожения» (П. Коннертон), в формате «войн памяти» (П. Нора), цель которого – делигитимация преж-

него дискурса путем замещения исторических образов прошлого и новой трактовки истории с использованием техник переписывания, игнорирования, нейтрализации, отрицания.

Современная повестка высветила глубину кризиса проекта открытого общества и глобализации, понимаемых как нивелирование ценностей национальных культур по стандартам американской / евроатлантической политической культуры. Меры России, Китая и ряда стран БРИКС по защите своего ценностного суверенитета «вызвали жесткую реакцию Запада в виде «отгораживания» и «наказания», вплоть до объявления «стран-диссидентов» изгоями, которые мешают по их мнению «эффективному» проекту «демократической глобализации» [Чугров: 88], когда «посредством языка реализуется символическое насилие, происходит стигматизация «своих» и «чужих», при этом ин-группы характеризуются положительно, а аут-группы – нет» [Олешкова: 53].

В контексте дискурсного анализа семантику дискурса культуры отмены авторы определяют как некоторый содержательный комплекс, интегрирующий следующие онтологические форматы:

- складывающаяся де-факто нормативная основа навязываемого нового миропорядка (добавим, основанная на, так называемых, «правилах»);
- деформированная несимметричная интеракционная система коммуникаций;
- осознанная и умышленная социальная практика, направленная не столько на передачу информации, сколько на имплантацию в сознание аудитории выгодных дискурсивного агрессору смыслов, где существенную роль играет контекст и асимметрия коммуникации.

В этой модели пространство истории и наше чувство прошлого искусственно трансформируются, они выражаются сегодня уже не в категориях порядка и завершенности, свойственных классическим моделям, а в категориях множественных разрывов и неоднородности. Все это создает новый «эффект реальности», в том числе «реальности исторической», с легкостью фабрикуемой и ре-фабрикуемой. Глобальная технологическая революция и цифровой прорыв, теперь уже моделируемые еще технологиями искусственного интеллекта, высветили, что оборонительно-наступательная функция национального государства ослабевает в виду «проницаемости» границ (социальной мобильности, международной миграции людей, идей и ценностей), а опирающийся на идентичность суверенитет государства как основной организационно-политической ячейки общества по меньшей мере размывается, если вообще не утрачивает смысл.

В данных политических условиях следует констатировать, что сегодня вновь решается судьба России, страна вновь ведет борьбу за свое историческое будущее, особенно острую именно в дискурсивном пространстве, в котором в конечном счете никогда не бывает полутонов, ничьих или компромиссов. В этих условиях музейный дискурс как коммуникативный феномен, как особая форма герменевтической кодировки сферы коллективной/национальной памяти является полем битвы. И то, как он выстраивается, во многом определяет функциониро-

вание национальной памяти, ее функциональность или дисфункциональность в контексте воспроизводства национальной идентичности и в конечном счете национальной безопасности. Именно поэтому недооценивать значимость музейного дискурса для современной России – значит создавать слабые места, если не брешь в системе обеспечения национальной безопасности.

Результаты исследования и обсуждение. Возникнув в начале XVIII века благодаря петровской модернизации, музеи сегодня стали проводниками русской цивилизации, ее «родниковой правдой», местом ее силы [Арканникова, 2023: 66]. Нельзя не согласиться с О. Беззубовой в том, что «музей как институт, чье предназначение во многом связано с формированием образа прошлого, на современном этапе своего развития оказывается вовлечен в противоречия, вызванные неоднозначным видением прошлого в современном обществе» [Беззубова: 212]. Музейная коммуникация в этом плане выполняет значимые функции сохранения и защиты не только историко-культурного наследия, но и интеллектуального и научно-технологического потенциала страны в контексте комплексной стратегии национального развития. Приветствуя музейное и академическое сообщество на Круглом столе 6 апреля 2023 года в Государственном Эрмитаже М.Б. Пиотровский отметил: «Нам, людям культуры, сейчас надо понять наше участие во всем происходящем. Причастный к истории человек в первую очередь должен хорошо делать то, что он делает, следуя принципу – когда говорят пушки, говорить должны и музы. И понимая, что культура, которая для нас стоит над политикой и всем остальным, с нас потом спросит – за нее. Как спросили нас после войны, после блокады: что вы делали – своими силами?» [Пиотровский: 3].

Оставаясь в русле теоретических построений П. Бурдьё и Н. Лумана [Бурдьё; Луман], отметим, что музейный дискурс обладает культурным, социальным и символическими капиталами, а также потенциалом к конвертации в капитал политический, становится символическим геополитическим капиталом, национальным богатством страны. В этом плане национальный музейный дискурс может рассматриваться как важный компонент коммуникативного капитала нации, выполняя роль не только символического репрезентатора ее культурного кода нации, но и транслятора ценностей конкретного исторического сюжета (исторической персоны, отрасли, экспоната, произведения) во внешнюю среду, в публичное пространство идеологического метадискурса. Его ключевой властной функций [см. Фуко; ван Дейк; Хабермас, Бодрийяр необходимо рассматривать поддержку и воспроизводство общегосударственного единства, общего в групповых идентичностях, сплоченности общества перед внутренними и внешними вызовами в контексте социокультурной мобилизации.

Такого рода функционал музейного дискурса в обстановке когнитивной агрессии против России позволит ему, разумеется, при условии эффективного управления, выступать инструментом нейтрализации попыток «отменить» русскую культуру, инструментом противодействия агрессору в формате поддержания

ценностного суверенитета, интеграции традиционных и культурных норм, противостоящих навязываемой новой этике. Авторы придерживаются позиции, что в контексте коммуникативных эффектов и смысловых коннотаций музейный дискурс предоставляет акторам символической политики особые средства политического маневра, с одной стороны, с другой – сохраняет в обществе интерес к культуре как созидательной общественной силе, как к тому, что может разделяться и одобряться большинством, быть инструментом интериоризации ценности национального единства.

Рассматривая музейный дискурс в контексте укрепления национальной безопасности в части обеспечения конкретных задач: «защиты исторической правды, сохранения исторической памяти, преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившегося единства, противодействия фальсификации истории; <...> реализации государственной информационной политики, направленной на усиление в массовом сознании роли традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, неприятие гражданами навязываемых извне деструктивных идей, стереотипов и моделей поведения; <...> укрепления культурного суверенитета Российской Федерации и сохранения ее единого культурного пространства; <...> духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан на исторических и современных примерах, развитие коллективных начал российского общества, поддержка социально значимых инициатив, в том числе благотворительных проектов, добровольческого движения; <...> формирования государственного заказа на проведение научных исследований, публикацию научно-популярных материалов, создание произведений литературы и искусства, кинематографической, театральной, телевизионной, видео- и интернет-продукции, оказание услуг, направленных на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей и культуры, защиту исторической правды и сохранение исторической памяти, а также обеспечения контроля качества выполнения этого государственного заказа; <...> повышения роли России в мировом гуманитарном, культурном, научном и образовательном пространстве»¹, авторы считают важным выделить отдельное исследовательское направление социогуманитарных наук – «исследования памяти» (memory studies), которые расширяют данную дискуссию вводя в научный категориальный аппарат достаточно взаимосвязанные концепты политического дискурса: «политика идентичности» [Ассман] как одно из «важнейших направлений государственной политики по конструированию образа нации, государства, сплочения граждан, обеспечения единства населения, гарантирующего устойчивость политической системы и политического режима» [Попова: 89] и «политика памяти» и «мемориальная политика» как инструмент легитимации политической власти, реализующийся в формате интегративной коммеморативной

---

¹ Согласно Указу Президента РФ от 02 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 93.

практики (коммеморация – культура намеренного увековечения) [см. Русакова; Малинова; Миллер; Шуб]. По мнению исследователей, «главной характеристикой политики памяти выступает ее общая нацеленность на управление со стороны государства и иных мнемонических акторов коллективной памятью народа путем производства определенных способов интерпретаций прошлого, конструирования политически значимых смыслов, образов, символов, мифов, нарративов, которые посредством коммеморативных практик, социально-гуманитарных ресурсов “инфраструктуры памяти” и технологий прочно закрепляются в сознании и поведении граждан, что в итоге формирует национальную идентичность и укрепляет легитимность существующей власти» [Русакова и др.: 160].

Исходя из этого, можно констатировать, что влияние событий прошлого на дискуссии настоящего как интегративной коммеморативной практики в музейной сфере, реализуясь посредством государственной культурной политики обуславливают процесс социальной и политической консолидации российского общества. «Сфера культуры, наряду со сферой образования работают с тем материалом, который обеспечивает консолидацию практически всех групп населения на основе общей культурно-исторической памяти: исторических событий, знаменательных и памятных дат, праздников, памятных мест и объектов, памятников культуры, библиотечных и музейных фондов. Речь идет о возможности консолидации населения не перед лицом врага или опасности, а на конструктивной позитивной основе» [Тульчинский: 14]. Как образно отмечает А. Ассман, разрыв между тремя онтологическими модусами исторического времени как «разорванную связь между прошлым, настоящим и будущим нельзя восстановить, их приходится связывать заново» силами всего общества в целом, а не отдельных акторов (историков, музеологов и др.), а также путем установления между ними «эмоциональной связи»: «вместо разрыва времени, его расчистки (*tabula rasa*) действует эмоциональная связь с настоящим или прошлым, которую нельзя игнорировать, терять и тем более разрушать; ее следует сделать предметом особой заботы» [Ассман: 243-246], дополняя это важным выводом, что «решения в сфере исторической политики принимаются теперь не так, как это было раньше внутри самодостаточной автаркии, а с учетом того, что они становятся предметом метадискурса, объектом внешнего и внутреннего наблюдения и обсуждения» [Ассман: 247].

Авторы разделяют методологическую позицию О.Ф. Русаковой в трактовке государственной политики памяти как «системы управленческой деятельности государственных институтов, в которой посредством применения ряда инструментальных подходов осуществляется определенная интерпретация прошлого, конструируются политически значимые нарративы, смыслы, образы, символы, мифы, воздействующие на мировоззренческие и ценностные установки граждан, на их эмоциональный настрой и закрепляющие в массовом сознании устойчивые представления об общности исторической памяти народа, о значимости и ценности тех или иных исторических событий и фигур, выполняющих роль

когнитивных, эмоциональных и символических скреп для формирования ценностного ядра национальной идентичности государства» [Русакова 2023a: 44; Русакова 2023b: 35] и, что дискурс политики памяти «вполне способен выступать в роли относительно самостоятельного, эффективно действующего фактора, формирующего новые тренды в развитии политики государственной идентичности» [Русакова 2023a: 44].

Можно считать, что в интегральной системе национального дискурсивного пространства музейный дискурс и дискурс политики памяти в логике когнитивного и структурного аспектов представляют собой важный сегмент фундаментальной структуры этого пространства, придающий ему устойчивость и обеспечивающий общую связность. Если исходить из онтологии дискурса как такового, как языкового коррелята определенной социальной практики, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность, то *под музейным дискурсом будем понимать системно организованный комплекс языковых коррелятов национальных музейных практик, нацеленных на проведение государственной политики воспроизводства национальной исторической памяти. Онтологически данный дискурс функционирует как совокупность текстов/коммуникативных продуктов разной природы, производимых субъектами музейной коммуникации на предмет объектов, включенных в процесс производства / воспроизводства национальной исторической памяти или ее компонентов.* Продуктом этого дискурса будут являться замкнутые на эффект музейной коммуникации ментальные конструкторы в сознании аудитории, обладающие потенциалом диалогизма и конвертации и обуславливающие многоуровневую комбинаторику когнитивных, аффективных и конативных компонентов, реализующих процессы воспроизводства национально-государственной идентичности.

Авторам представляется перспективным изучение взаимовлияния трех дискурсивных конструкторов: музейный дискурс – дискурс государственной политики памяти – дискурс национальной идентичности, рассматриваемых применительно к современным политическим реалиям России. Такая последовательная исследовательская оптика позволит осуществить анализ системообразующих параметров музейного дискурса, понять те внешние условия, тот пресуппозиционный каркас, который способствует его образованию и дает возможность анализировать совокупность всех коммуникативных эффектов данного дискурса как самостоятельной институциональной модели, так и в контексте таксономии дискурсов.

Выводы. В контексте данных исследовательских подходов уже можно сделать вывод, что музейный дискурс как социальный феномен, репрезентирующий историческое наследие и культурную традицию, выступает значимым базисом социокультурного и социополитического ценностно-смыслового порядка любого независимого современного государства. Опираясь на историческую память, понимаемую, как основу, ядро национального самосознания, музейный дискурс

наряду с другими, замкнутыми на социальную память дискурса в общей системе политического дискурса выступает основанием и источником производства актуальных политических ценностей и идей. Формирование этого дискурса целенаправленно осуществляется институтами государственной власти в целях легитимизации политической стратегии. Как инструмент политической коммуникации он не только воспроизводит преемственность национальных политических смыслов, но и продуцирует предметную, материально-пространственную и коммуникативную инфраструктуру для сохранения исторической памяти. В функциональном измерении музейный дискурс можно понимать как особый символический способ конструирования общественного сознания, формирования национальной идентичности, легитимации политической власти.

Из научной дискуссии, посвященной анализу культуры отмены в мировой политике, следует, что государства, в отношении которых применяются технологии «отмены», просто обязаны гарантированно обеспечить ценностный и информационный суверенитет [Торкунов: 18–19], осуществить преодоление эффекта спирали молчания путем изменения структуры макрофрейма [Рустамова; Заботкина и др.]. В этой связи «перед отечественными политологами стоит задача деконструкции и декомпозиции идеологических концептов и, что еще более значимо, – предложение нового логоса и нового этоса, предполагающих бережное отношение к традиционным духовно-нравственным ценностям. Однако задачей сохранения перспективная стратегия категорически не должна ограничиваться – востребовано деятельное и творческое развитие» [Торкунов: 19]. При этом разработка инструментария нейтрализации попыток «отменить» русскую культуру путем российской «дискурсивной силы» в виде общегосударственного единства и мобилизационного проекта, осознанной артикуляции и трансляции культурного кода нации, традиционных и культурных ценностей, противостоящих новой этике – вызов, который адресован не только политологам, но и всем заинтересованным акторам коммуникационного взаимодействия: музей – государство – наука – образование – промышленность – бизнес – общество – медиа. Отвечая на него, важно не только иметь технологический символ общественно-государственного суверенитета, но и обладать при этом должным инструментальным ресурсом, способным оказывать влияние и определенный социальный эффект в различных группах с целью мобилизации коллективной воли и действия, а также репрезентации коллективного интереса.

Иными словами, американская / евроатлантическая политика выхолащивания базовых для русского менталитета национальных ценностей и навязывания ему «новой истории» должна столкнуться с коммуникационными барьерами в виде дискурсивной политики защиты государственных устоев и национальной безопасности. В этом смысле конструирование национальным музейным дискурсом предметно-смыслового ядра ментальной матрицы сознания – феномен, конвергентной капитализации коммеморативного ядра культурного и ценностного суверенитета России.

Источники

- Арканникова М.С. (2021). Предисловие // Политология. Конспект лекций : учебное пособие / под ред. М.С. Арканниковой. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС. С. 4-9.
- Арканникова М.С. (2023). Стратегические коммуникации корпоративных музеев как инструмент продвижения национальных интересов страны // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Т. 2. № 2 (41). С. 65-77.
- Ассман Я. (2004). Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва.
- Ассман А. (2014). Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. Москва.
- Ассман А. (2017). Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение.
- Ассман А. (2019). Забвение истории – одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. Москва.
- Беззубова О.В. (2019). Музей как новая форма коммеморации: культура и политика // Мировые тренды и музейная практика в России: Сборник статей Международной научной конференции, 30–31 октября 2018 г. М.: РГГУ. С. 212-220.
- Бодрийяр Ж. (2000). Символический обмен и смерть. М.: Добросвет.
- Бодрийяр Ж. (1995). Система вещей. М.: Рудомино.
- Бурдые П. (1993). Социология политики: пер. с ф. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos.
- Бурдые П. (2002). Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3. № 5. С. 60-74.
- Бурдые П. (2005). Социальное пространство: поля и практики. СПб.
- Ван Дейк Т.А. (2015). Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Гаман-Голутвина О.В., Сморгун Л.В. (2023). Политическое в пространстве турбулентного мира // Политические исследования. № 1. С. 7-10.
- Заботкина В.И., Авдотьев В.П., Бархатова Э.И. (2022). Социокультурные угрозы. Реальность, ментальные модели и дискурс. Коллективная монография. М.: ИД ЯСК.
- Луман Н. (2004). Общество как социальная система. Москва.
- Малинова О.Ю. (2018). Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов // Политические исследования. № 1. С. 9-25.
- Малинова О.Ю. (2020). Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 25-39.
- Малинова О.Ю., Миллер А.И. (2021) Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе / под ред. В.В. Лапина, А.И. Миллера. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 7-37.
- Мельвиль А.Ю., Малыгин А.В., Миронюк М.Г., Стукал Д.К. (2023). Политический атлас современного мира 2.0: к постановке исследовательской задачи // Политические исследования. № 2. С. 72-87.
- Москвина И.К. (2022). Трансформация коммеморативных практик в культуре современной России // Культуры и цивилизация. Т. 12. № 2А. С. 166-170.
- Олешкова А.М. (2017). Критические дискурсные исследования: российский «новояз» в современной социокультурной ситуации // Коммуникология. Том 5. № 1. С. 50-59.

Пиотровский М.Б. (2023). Предисловие // Музей и проблемы культурного туризма. Материалы Круглого стола в Государственном Эрмитаже. Санкт-Петербург, 6–7 апреля 2023 года. СПб.: Государственный Эрмитаж.

Попова О.В. (2020). О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. № 4. С. 86–110.

Русакова О.Ф. (2023а). Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. Т. 20. № 2. С. 32–51.

Русакова О.Ф. (2023b). К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ // Дискурс-Пи. Т. 20. № 1. С. 27–45.

Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. (2018). Персональный вклад уральских ученых в изучение политических дискурсов: структурно-тематический обзор // Дискурс-Пи. Т. 31. № 2. С. 30–113.

Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю. (2022). Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов // Дискурс-Пи. Т. 19. № 2. С. 154–171.

Рустамова Л.Р., Адрианов А.К. (2023). «Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике // Политические исследования. № 4. С. 37–53.

Торкунов А.В. (2022). Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы // Политические исследования. № 5. С. 7–12.

Тульчинский Г.Л. (2014). Региональный брендинг и культурно-историческая память. Диалоги о культуре и искусстве : Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Пермь, 20–23 октября 2014 года. Пермь. С. 11–18.

Фуко М. (1996). Археология знания / пер. с фр., общ. ред. Бр. Левченко. Киев.

Хабермас Ю. (2001). Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука.

Чугров С.В. (2022). Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Политические исследования. № 5. С. 88–98.

■ ■ ■ Museum Discourse in the Conditions of Information Warfare: problem statement

Gavra D.P.¹, Arkannikova M.S.²

1. Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

2. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the position of museum discourse in the communicative system of modern Russia and, more broadly, in the national security system. In the context of geopolitical challenges and the development of political discourse in the semantics of the pervasive cancel culture in the format of applying new ethics as a symbolic act of oblivion, the national museum discourse acquires a particular significance. The “memory war”, the purpose of which is to delegitimize the previous discourse using techniques of rewriting, ignoring, neutralizing, and denying, actualizes the study of museum discourse in the context of national security strategy. Considering museum discourse as an imperative to strengthen national security, the authors identify a separate research area of socio-humanitarian sciences – “memory studies”, and introduce into the scientific categorical apparatus rather interrelated concepts of political discourse: “identity politics”, “memory politics” and “memorial politics”. The authors implement a strategy for analyzing the communicative effects of ensuring cultural sovereignty and overcoming the cancel culture, and conclude that museum discourse and the discourse of memory in the logic of cognitive

and structural aspects represent mental constructs with the potential for dialogism and conversion (including the conversion of cultural capital into political capital), and determine the multilevel combinatorics of various communicative effects in the development of national identity. Hence, the authors propose to study the mutual influence of three discursive constructs: museum discourse – discourse of the state policy of memory – discourse of national identity, considered in relation to the modern political realities of Russia in the context of the implementation of the national security strategy.

Keywords: museum discourse, political discourse, national discourse, national security, culture cancel, cultural sovereignty, communication effects, politics of memory, politics of identity

For citation: Gavra D.P., Arkannikova M.S. (2024). Museum discourse in the conditions of information warfare: problem statement. *Communicology (Russia)*. Vol. 12. No. 1. P. 144-155. DOI 10.21453/2311-3065-2024-12-1-144-155.

Inf. about the authors: Gavra Dmitry Petrovich – DSc (Soc.), Professor, Head of the Department of Public Relations in Business at the Institute of Higher School of Journalism and Mass Communications of St. Petersburg State University. Address: 199004, Russia, St. Petersburg, Universitetskaya embankment, 7-9. E-mail: d.gavra@spbu.ru. ORCID: 000-0002-6536-9277. Arkannikova Marina Sergeevna – CandSc (Polit.), associate professor, Director of the Higher School of Media Communications and Public Relations of the Institute for the Humanities of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, doctoral student of the Institute of the Higher School of Journalism and Mass Communications of the St. Petersburg State University. Address: 195251, Russia, St. Petersburg, Politekhnicheskaya st., 29. E-mail: arkann_ms@spbstu.ru. ORCID: 0000-0002-2490-8406.

Received: 26.02.2024. *Accepted:* 14.03.2024.

References

- Arkannikova M.S. (2021). Preface. In: Political science. Lecture notes, ed. M.S. Arkannikova. SPb.: POLYTECH-PRESS. P. 4-9 (in Rus.).
- Arkannikova M.S. (2023). Strategic communications of corporate museums as a tool for promoting the national interests of the country. *Bulletin of the Volzhsky University*. Vol. 2. No. 2 (41). P. 65-77 (in Rus.).
- Assman A. (2014). The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics (transl. B. Khlebnikov). Moscow (in Rus.).
- Assman A. (2017). The connection broke up? The Rise and Fall of the Temporal Mode of Modernity (transl. B. Khlebnikov). M.: New Literary Review (in Rus.).
- Assman A. (2019). Forgetting history – obsession with history (transl. B. Khlebnikov). Moscow (in Rus.).
- Assman Y. (2004). Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity (transl. M.M. Sokolskaya). Moscow (in Rus.).
- Baudrillard J. (1995). System of things (transl.). M.: Rudomino (in Rus.).
- Baudrillard J. (2000). Symbolic exchange and death (transl.). M.: Dobrosvet (in Rus.).
- Bezzubova O.V. (2019). Museum as a new form of commemoration: culture and politics. In: World trends and museum practice in Russia: Collection of articles of the International Scientific Conference, October 30–31, 2018. M.: Russian State University for the Humanities. P. 212-2209 (in Rus.).
- Bourdieu P. (1993). Sociology of politics (transl., total. ed. and preface N.A. Shmatko). M.: Socio-Logos (in Rus.).

- Bourdieu P. (2002). Forms of capital (transl.). *Economic sociology*. Vol. 3. No. 5. P. 60-74 (in Rus.).
- Bourdieu P. (2005). Social space: fields and practices (transl.). St. Petersburg (in Rus.).
- Chugrov S.V. (2022). Cancel culture in world politics: historical and philosophical roots. *Political Studies*. No. 5. P. 88-989 (in Rus.).
- Foucault M. (1996). Archeology of knowledge (transl. & ed. Br. Levchenko). Kyiv (in Rus.).
- Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V. (2023). Political in the space of a turbulent world. *Political Studies*. No. 1. P. 7-10 (in Rus.).
- Habermas J. (2001). The inclusion of the other. Essays on political theory (transl.). SPb.: Nauka (in Rus.).
- Luhmann N. (2004). Society as a social system (transl.). Moscow (in Rus.).
- Malinova O.Yu. (2018). Commemoration of the centenary of the 1917 revolution in the Russian Federation: analysis of the strategies of key mnemonic actors. *Political Studies*. No. 1. P. 9-25 (in Rus.).
- Malinova O.Yu. (2020). Memory mode as a tool of analysis: problems of conceptualization. In: A.I. Miller, D.V. Efremenko (eds) Politics of memory in modern Russia and countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives. SPb.: Publishing house of the European University in St. Petersburg. P. 25-39 (in Rus.).
- Malinova O.Yu., Miller A.I. (2021) Introduction. Symbolic politics and the politics of memory. In: V.V. Lapina, A.I. Miller (eds) Symbolic aspects of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe. SPb.: Publishing house of the European University in St. Petersburg. P. 7-37 (in Rus.).
- Melville A.Yu., Malygin A.V., Mironyuk M.G., Stukal D.K. (2023). Political atlas of the modern world 2.0: towards the formulation of a research problem. *Political Studies*. No. 2. P. 72-879 (in Rus.).
- Moskvina I.K. (2022). Transformation of commemorative practices in the culture of modern Russia. *Cultures and civilization*. Vol. 12. No. 2A. P. 166-170 (in Rus.).
- Oleshkova A.M. (2017). Critical discourse studies: Russian “newspeak” in the modern sociocultural situation. *Communicology*. Vol. 5. No. 1. P. 50-59 (in Rus.).
- Piotrovsky M.B. (2023). Preface. In: Museum and problems of cultural tourism. Materials of the Round Table in the State Hermitage. St. Petersburg, April 6–7, 2023. St. Petersburg: State Hermitage Museum (in Rus.).
- Popova O.V. (2020). On the unresolved problems of the theory of state identity policy in Russian political science. *Political Science*. No. 4. P. 86-110 (in Rus.).
- Rusakova O.F. (2023). On the issue of the concept of “memory policy regime”: methodological analysis. *Discourse-Pi*. Vol. 20. No. 1. P. 27-459 (in Rus.).
- Rusakova O.F. (2023a). Discourse of state policy of memory as a factor in the formation of national identity of modern Russia. *Discourse-Pi*. Vol. 20. No. 2. P. 32-51 (in Rus.).
- Rusakova O.F., Gribovod E.G. (2018). Personal contribution of Ural scientists to the study of political discourses: a structural and thematic review. *Discourse-Pi*. Vol. 31. No. 2. P. 30-113 (in Rus.).
- Rusakova O.F., Gribovod E.G., Moiseenko Y.Y. (2022). Discourse of the politics of memory: studies of symbolic aspects. *Discourse-Pi*. Vol. 19. No. 2. P. 154-1719 (in Rus.).
- Rustamova L.R., Adrianova A.K. (2023). Cancel culture: conceptualization of the concept and its use in foreign policy. *Political Studies*. No. 4. P. 37-539 (in Rus.).
- Torkunov A.V. (2022). Russia and the political order in a changing world: values, institutions, prospects. *Political Studies*. No. 5. P. 7-29 (in Rus.).
- Tulchinsky G.L. (2014). Regional branding and cultural and historical memory. In: Dialogues about culture and art: Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation, Perm, October 20–23, 2014. Perm. P. 11-189 (in Rus.).
- Van Dijk T.A. (2015). Discourse and power: Representing dominance in language and communication (transl.). M.: LIBROKOM (in Rus.).
- Zabotkina V.I., Avdotin V.P., Barkhatova E.I. (2022). Sociocultural threats. In: Reality, mental models and discourse. M.: Publishing House YASK (in Rus.).